

ных сражений, даже если бы такие были, неизбежно столкнулись бы со стремлением летописцев к историчности: ход сражения и его результат могли быть самыми различными, а хронист, особенно современник событий, старался это отметить. Поэтому справедливо замечание Д. С. Лихачева, что в летописи «в меньшей мере, чем в других жанрах раннефеодальной литературы . . . сказывалось стремление к застойности форм и содержания, к трафаретным стилистическим приемам».³⁶ Документальность «летописного рассказа» отмечал в своей работе о Киевской летописи и И. П. Еремин.³⁷ Это стремление летописи к документальности, относительная свобода от чисто литературных приемов в отдельных описаниях особенно заметны. Например: «Изяслав же перешедъ к ним черезъ рѣку Сърть и сступиша ся битъ, и бысть съча зла и между ими смятенье: не въдахуть, котории суть побѣдили. Изяслав бо женяшеть галичаны, а галичане Изяславлю дружину и сына его» (Лавр. лет., стлб. 340);³⁸ «Володимеръ же Глѣбовичъ, бяше князь в Переяславлѣ, бяше же дерзъ и крѣпокъ к рати, выеха из города и потче (Хлебн., Погод.: потече) к нимъ, и по немъ мало дерзнувъ дружинѣ. И бися с ними крѣпко, и обступиша мнозии половцѣ. Тогда прочии видивше князя своего крѣпко бьющеса, выринушася из города и тако отяша князя своего язвена сущи трети копы» (Ипат. лет., стлб. 646—647).

Нам кажется, что не следует говорить о наличии в русском летописании устойчивых литературных формул боя («обычной схемы», по выражению А. С. Орлова): такие формулы встречаются регулярно, пожалуй, лишь в Повести временных лет (см. примеры на стр. 32).³⁹ Обычно же в описаниях военных эпизодов мы наблюдаем лишь различные устойчивые формулы и словосочетания, употребляющиеся для характеристики отдельных эпизодов: сборов в поход, начала битвы, разорения земли неприятелем, помощи небесных сил и т. д. Приведем несколько примеров таких описаний, выделяя встречающиеся в них устойчивые словосочетания. «И поѣхаша по дорозѣ по нихъ, и срѣтоша ѣ изнова друзиѣ, и ступишася с ними, и бишася крѣпко и. поможе богъ Михалкови и Всеволоду на поганьи, дѣдня и отьня молитва. И сбьсться в недѣлю: самы поганья избьша, а другыя изымаша, и полонъ отяша 4 ста чади и пустиша я во свояси» (Ипат. лет., под 1173 г., стлб. 563); «Томъ же лѣтъ Володимеръ, сынъ Всеволожь, слышавъ, аже идуъ половци къ Переяславлю, и изыде противу имъ въскорѣ и усрѣтеса съ ними на рѣцѣ, и бишася крѣпцѣ, и мнози падаху божимъ попушениемъ, за умножение грѣхъ нашихъ. и одолъша половци, мнози отъ Руси избьени быша, а иныхъ изымаша, а самого князя Володимера яша и ведоша въ вежи свои» (Симеон. лет., под 1216 г., стр. 48); «Порокомъ же бьющимъ бесперестани день и ношь, и выбьша стѣны, и възыдоша горожане на городъ на избитыа стѣны, и ту бѣ видѣти ломъ копейныи и щитъ скѣпанье, и стрѣлы омрачиша свѣтъ» (там же, под 1240 г., стр. 60); «. . . и стоялъ князь великий Дмитрей съ всею силою у города Тѣфѣри 4 недѣли, посадъ весь по жгоша около города, и волости, и села, и страны, и предѣлы Тѣферскыя повоеваша и пусто сѣтвориша, имѣнниа пограбиша, а люди

³⁶ Д. С. Лихачев. Возникновение русской литературы. М.—Л., 1952, стр. 170.

³⁷ И. П. Еремин. Киевская летопись как памятник литературы. — ТОДРЛ, т. VII. М.—Л., 1949, стр. 72—74.

³⁸ Лаврентьевская летопись. — ПСРЛ, т. I, вып. 2, изд. 2-е. Л., 1927.

³⁹ Можно предположить, что летописец вынужден был прибегать к таким формулам, так как создавал описания этих битв много лет спустя, основываясь на устных преданиях, сохранивших лишь отдельные, наиболее яркие эпизоды.